

ПРОЛОГ

При рождении мне дали имя Наоко Накамура. После замужества меня стали звать Наоко Танака. А между двумя этими событиями, затерянный в бесконечной череде дней, есть промежуток, когда я была совсем другим человеком, получившим нетрадиционное имя во время необычной свадебной церемонии под вековым деревом, украшенным горящими огоньками.

У нас не было священника, чтобы провести церемонию, и храма, который принял бы нас под своей крышей. А у меня не было свадебных нарядов, которых требовали традиции.

Но у меня была любовь.

В тот вечер ночь уже окутала черным покрывалом крохотные деревенские домики, но оранжевый западный край горизонта еще выглядывал из-под него, бросая на них любопытствующие взгляды. Когда я спустилась с крыльца, влажный ветер коснулся моих щек поцелуем, а когда я обошла дом, то с трудом сдержала удивленное восклицание.

Вдоль галечной дорожки стояли зажженные бумажные фонарики, а висящие на деревьях яично-желтые светящиеся шары освещали деревья, подобно

хотару — светлячкам, собравшимся в рой после проливных июльских дождей. Их было так много, что, когда я шла под ветвями, подняв вверх глаза, они казались мне огромными зонтами, прикрывающими меня от сотен падающих звезд.

Я с улыбкой провела пальцами по платью, чтобы снова ощутить его роскошно гладкую поверхность. Никогда в жизни я не ощущала себя такой красивой и такой взволнованной.

Впереди, в центре небольшой группы, ждал мой будущий муж. В его глазах отражался свет фонарей, и их отблески казались мне белыми парусами в безбрежном океане, в котором я безнадежно тонула. Я безвозвратно растворялась в нем и в этом чудесном мгновении.

С каждым шагом я приближалась к своему будущему и отдалялась от своей семьи. Это было невысказано и невероятно во всех смыслах и составляло контраст самых крайних противоположностей. Однако мне каким-то образом удалось найти свое место между ними. Вот что Будда называл «срединным путем» — правильный жизненный баланс.

Я же называла это просто счастьем.

Жизнь в любви была *счастьем*. Жизнь ради любви — *глупостью*. А жизнь с сожалениями об упущенных возможностях — *мукой*. За семьдесят восемь лет своей жизни я попробовала все три.

Бабушка часто говорила: «Боль, как и счастье, когда-нибудь проходит». Но даже сейчас, когда я уже сама состарилась, закрыв глаза, я все еще вижу далекое мерцание тысячи крохотных огоньков.

ГЛАВА 1

АМЕРИКА, НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Даже ночью, с половиной персонала на смене, онкологический центр «Тоссиг» работал слаженно, как часы. Должность главного врача занимал доктор Амон, что давало мне некоторую надежду: может быть, моему отцу все же удастся выкарабкаться. Однако силы его уходили, и теперь я сидела возле его постели, тревожно следя за надвигающимися признаками.

В палате был приглушен свет, и телевизор работал без звука, но отец все равно спал очень беспокойно. Гудение медицинских приборов и писк мониторов временами смешивались с доносящимися из коридора голосами. Раздался чей-то свист.

«На ветру свистеть рискованно, — как-то говорил отец, рассказывая о времени, проведенном в открытом море. — Потому что свист притягивает шквалы и высокие воды». Сейчас он был не на судне, но по удивительному совпадению этот госпиталь носил то же самое имя, что и военный корабль, на котором он служил в пятидесятых, поэтому я не могла не вспомнить об этой старой примете. Я встала и закрыла двери.

— Что... — папа взмахнул руками, и жгуты капельниц заметались над ними, как флаги вокруг флагштоков. — Тори?

— Я здесь, папа, — бросилась я к нему и накрыла его руку своей ладонью. — Ты в больнице, помнишь?

За прошлую неделю он уже несколько раз просыпался совершенно сбитым с толку, и беспокойный сон между этими пробуждениями раз от разу становился все короче. Похоже, это становилось у нас новой нормой.

Он попытался сесть, но тут же сморщился от боли, и я помогла ему приподняться, чтобы подложить под плечи подушку. Поддерживая его обеими руками, пока он устраивался, я удивлялась, каким он стал легким. Он все шутил, что сейчас он не полный человек, а «половинка», но мне было не смешно. Потому что действительность была совсем не веселой, а факт, над которым он шутил, — слишком реалистичным. Он *все еще* был моим отцом, без которого я не представляла своей жизни.

Я подала ему пластиковый стаканчик со льдом. Он покачал его в руке и отпил немного талой воды. И даже этих глотков хватило, чтобы запустить в действие рефлекс: тяжелый кашель, с которым отец с трудом справлялся. Я забрала у него стаканчик, подала салфетку и стала ждать, пока пройдет приступ. Наконец, откашлявшись, он откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Как ты? — дурацкий вопрос, ясно же, что ему плохо, но он ободряющим кивком дал понять, что все терпимо.

Потом он глубоко и хрипло вздохнул и заговорил.

— Я тебе рассказывал о знаменитой Голубой улице? Она была первым, что я увидел, когда сошел со своего судна в Японии.

— А вторым, что ты увидел, стала девушка, которой понравились твои глаза? — оживилась я, обрадованная тем, что он был в памяти. Может быть, он пробудет в этом состоянии достаточно долго, чтобы успеть рассказать мне эту историю.

— Ну да, тогда я получше выглядел.

— Ты и сейчас неплохо выглядишь, — ответила я, и это было чистой правдой. На его щеках играл легкий румянец, глаза были ясными, а взгляд — осознанным. Его движения стали более скоординированными. Это было чудесно и пугающе одновременно. Доктор Амон предупредил меня, что перед самым концом наступит «мнимое улучшение».

Для отца настало время последней прогулки по аллее памяти. А для меня — его последней истории.

Я наклонилась вперед, по-прежнему сидя на стуле возле его кровати, и подперла подбородок кулаком.

— Итак, ты сделал шаг, наклонился, чтобы коснуться пальцами блестящих камней на мостовой, и...

— И потом выпрямился, чтобы увидеть ее.

— Она смотрела на тебя.

— Да. А я — на нее. В тот момент я увидел свое будущее и влюбился, — папа с мягкой улыбкой склонил голову.

Это была очень укороченная версия знакомой истории, но я почувствовала, как меня снова наполняет теплом. Я любила ее, потому что она была началом ко всем остальным историям в моей жизни.

— Каждый раз, когда я приходил в порт, она встречала меня там, — говорил папа. — Но я каждый раз снова отправлялся в плавание. Тогда иначе было никак. Мы были словно два корабля, проплывающие друг мимо друга в ночи, как в стихотворении Лонгфелло, — грудь отца тяжело, с сипением вздымалась, каждый вдох давался ему с трудом.

Я потянулась к его покрытой родинками руке и сжала ее.

— После службы меня приписали к Детройту, и я топил свою тоску на дне бутылки. Но тогда я встретил твою мать, и она меня спасла, — он смотрел мне в глаза, не отрываясь. — Вот что ты должна запомнить. Ты меня слушаешь?

— Да, — я впитывала в себя каждое его слово.

— Твоя мама стала любовью всей моей жизни, но *до нашей встречи* у меня была другая жизнь. Вот что я пытался тебе объяснить, — его губы дрогнули.

Когда? Когда он пытался мне это объяснить? Я лихорадочно перебирала в памяти каждый день из последних недель, пытаюсь найти, что именно я упустила. Я не понимала, что могла означать эта его «другая жизнь», и, кажется, не была уверена в том, что хочу понять.

— Было бы проще, если бы ты просто прочла мое письмо. Я хочу, чтобы ты сделала это прямо сейчас, хорошо, Тори? Время пришло.

Время пришло?

В моей груди тут же сжался тугой комок и запылал таким жаром, что стало больно сердцу. Я старалась дышать как можно ровнее, чтобы справиться с эмоциями и не дать себе сорваться. Мне было не двинуться с места.

Он протянул руку и похлопал меня по запястью.

— Оно лежит с моими вещами. Сходи принеси.

Я нашла его сумку за дверью в туалет, поставила на тумбочку и расстегнула молнию. Дрожащими руками я перебирала его одежду и застыла на месте, когда пальцы наткнулись на бумажный конверт. Вытащив его, я некоторое время стояла и просто смотрела на то, что оказалось в моих руках.

Красные чернила, японские иероглифы *кандзи*, потерянная от времени и многократного просмотра бумага.

Когда я возвращалась к его кровати, наши взгляды встретились: умирающий мужчина и его отчаянно страдающая дочь.

— Подойди сюда, сядь, — сказал он. — Все в порядке.

Но это было не так. Я не могла принять его прощальные слова и не была готова попрощаться с ним сама. Я просто не могла этого сделать.

Когда я попыталась заговорить, у меня сжалось горло.

— Я... — я шагнула к нему, потом остановилась, стараясь успокоиться. Эти последние месяцы выдались невыносимо тяжелыми, я стала свидетелем его постепенного угасания от не поддающегося лечению рака, а теперь... К горлу подкатил комок, и в глазах стали собираться слезы. Я быстро направилась к двери.

Папа что-то говорил, но я уже выскочила в коридор и спряталась. Прикрыв ладонью рот, я старалась делать глубокие ровные вдохи, чтобы успокоиться. Как это могло случиться? Мы исследовали все возможные методы лечения, испробовали все

рекомендации, даже нашли специалиста по нетрадиционной медицине, но ничего не помогало. На плечи навалилось тяжелое чувство вины и беспомощности. Я посмотрела на конверт. Теперь я понимаю, что мне стоило открыть его сразу же, как оно пришло.

* * *

Отец смотрел игру в гостиной.

— Тори, это ты?

— Да, — я бросила ключи и письма с газетами, которые вынула из почтового ящика по дороге, на столик, удивляясь, что он услышал меня сквозь оглушительный звук телевизора. — Тут тебе письмо, — я выглянула в проем и помахала конвертом.

Он не отрывал взгляда от экрана, я же не могла отвести взгляд от пустой сумки, все еще стоявшей возле его кресла. Он все еще не собрал вещи для больницы, а мы должны были выезжать туда завтра утром. Хоть наш доктор каким-то чудом сумел найти для отца место, я понимала, почему он не горит энтузиазмом.

Я ненавидела рак.

Он сжигал не только тело. Он пожирал его дух, а это, в свою очередь, убивало и мой. Я проваливалась в отчаяние, чувствуя себя осиротевшим ребенком в тридцать восемь лет.

Я оставила его досматривать игру — одно из немногих занятий, которые по-прежнему доставляли ему удовольствие, — налила себе кофе и села за просматривание почты, которой оказалось немало. Конверты были перевязаны толстой резинкой и запиханы в его почтовый ящик так, словно он уехал в отпуск на целый месяц и забыл предупредить об этом

своего почтальона. Вот только никакого отпуска не было, а он забывал говорить мне, чтобы я заглянула в его почтовый ящик.

Сделав очередной глоток кофе, я поймала себя на том, что не могу оторвать взгляда от конверта, покрытого красными иероглифами. Адрес был перечеркнут толстыми красными линиями, над которыми надпись по-английски гласила: *Parti. Parti?* Я перевернула конверт, потом повернула его снова адресом к себе. По конверту видно, что он был неоднократно сложен, а край и вовсе замят, словно попал в какой-то механизм автоматического сортировальщика. Удивительно, что конверт вообще добрался до нас.

Журналист во мне требовал немедленно его распечатать, чтобы наконец понять, что именно держу в руках: мои пальцы нащупывали лист бумаги и какую-то нить внутри. Я встряхнула конверт, но он был невесомым. Разгладив замятую сторону, я рассмотрела надпись: «Япония». На первой букве «Я» были смазаны чернила, и я коснулась потека пальцем. С кем отец мог поддерживать отношения в Японии? Он был там, пока служил на флоте, рассказывал нам массу полных яркими деталями историй о том, на что она была похожа, но это было целых пятьдесят лет назад. На конверте я не заметила никаких эмблем или регалий, так что это было не официальное уведомление о встрече сослуживцев или что-то в этом роде. Может, это все же приглашение на встречу, только не официальное? Помнится, он говорил, что играл в бейсбол даже во время службы в Японии.

Однажды команда «Седьмой флотилии» вызвала на бой команду фермы в Йокосуке «Шонан Сеарекс», и игра проходила на забитом до отказа

стадионе. Каждый раз, когда папа о ней рассказывал, он прикладывал к бровям ладони, словно всматривался в даль.

— Во всем стадионе не было ни одного свободного места. Представляешь, Тори? — говорил он.

И я старалась представить открытый стадион, идеально ровное травяное покрытие и отца, молодого, взволнованного, разогревающегося возле засыпанного песком круга подачи.

— Представь себе, какой там стоял шум, — рассказывал отец. Вместо привычных аплодисментов там раздавался стук разноцветных пластмассовых бит о спинки кресел: *ра-та-та-там*. Капитаны команд болельщиков бегали по проходам, били в барабаны и выкрикивали речевки. Организованные группы болельщиков, сидя в своих секторах, распевали песни и кричали в громкоговорители. Папа говорил, что в Японии в пятидесятых годах бейсбол позволял очень тихой культуре выплеснуть в игру свои нешуточные страсти.

Несмотря на то что игра была дружеской, спортивное противостояние США на стадионе приобрело тяжелый и недобрый привкус. По словам отца, игроки Страны восходящего солнца больше всего на свете хотели победить защитников звездно-полосатого флага.

— Я тогда почти желал им победы, — всегда говорил папа. — Я знал, что семья моей девушки была среди болельщиков, и мне не хотелось чем-либо оскорбить их, особенно до того, как я с ними познакомился.

Когда он рассказывал эти истории, там всегда присутствовала «его девушка». Я ни разу не слышала ее

имени, и он никогда не рассказывал их, если мама была где-то поблизости. Если я о ней спрашивала, он всегда качал головой, выпускал воздух из раздутых щек и говорил:

— Она была особенная, вот так.

Он тоже был особенным, и я его обожала.

Мужчина, который пил шнапс, как его отец — словак, копировал походку Джона Уэйна и умел прясть разноцветные нити, как никто другой.

Вот только мне было сложно понять, что в некоторых его историях правда, а что — вымысел.

— А что такое правда, как не та история, в которую мы заставляем себя поверить? — говорил он мне, подмигивая, касался кончика моего носа и оставлял меня самой решать, во что верить.

И мне по-прежнему приходилось искать ответ на этот вопрос самой.

Однако это письмо, из Японии, было самым *настоящим*.

— Тигры продули, — сказал папа, напугав меня.

Он отправился к холодильнику, открыл его и стал рассматривать его содержимое.

— Пообедаешь?

Он должен был что-то поесть, он таял на глазах. Сначала его постройневшая фигура привлекала массу комплиментов, но восторги постепенно иссякли, а вот потеря веса не прекратилась. Даже его руки, те самые, которые выполняли броски на переполненном японском стадионе, истончились почти до костей.

Он закрыл холодильник, так ничего и не взяв, подтянул пояс на своем синем халате и почесал небритый подбородок.

— Да нет, не хочу, спасибо. Что это? — спросил он, указав на конверт.

— Я же говорила. Тебе пришло письмо, — я протянула его ему. — Из Японии.

Он молниеносно выхватил письмо из моих рук и сощурился, вглядываясь в надписи на конверте. В одно мгновение его лицо лишилось всякого выражения. Прижав письмо к груди, он развернулся на месте и молча ушел в свою комнату.

Я немного подождала и пошла за ним, чтобы найти его замершим посреди темной комнаты, все еще не отрывающим взгляда от конверта. Задернутые шторы не смогли удержать любопытные лучи солнца, и мои глаза страдали тем же пороком. Я чуть слышно приоткрыла дверь, и в образовавшуюся щель проник свет, коснулся его плеча и заставил обернуться ко мне. Он посмотрел на меня, прижав ладонь к небритому лицу в безуспешной попытке скрыть выражение, которое до этого я никогда у него не видела.

Он плакал.

ГЛАВА 2

Япония, 1957

Бабушка часто говорит: «Тревога создает маленьким вещам большие тени». А если вещь не маленькая, а большая? И тогда ее тень нависнет надо мной, стусившись и превратившись в настоящее чудовище.

Я встаю до рассвета, чтобы помочь *окаасан*, маме, приготовить завтрак из белого риса, жареной рыбы и супа *мисо*¹. Но сама я не голодна. Я слишком взволнована, чтобы ощущать голод.

Мне уже почти восемнадцать, и завтра у меня начнутся *омиай* — встречи с кандидатами в мужья, которых мне выбрали родители. Хорошо, что сейчас, благодаря тому что американские идеи подтачивают традиционные устои, эти договоренные браки стали только отчасти решением родителей. Решать, за кого из них я выйду замуж, буду я сама. Хотя то, что у меня эта возможность будет, не означает, что я смогу ею воспользоваться. Меня ждет испытание. Одно

---

¹ Продукт традиционной японской кухни, чаще всего в виде густой пасты. Мисо производится путем брожения соевых бобов, риса, пшеницы или смеси из них с помощью специального вида плесневых грибов *Aspergillus oryza*.